

«В настоящем мужчине скрыто дитя»

Излишества во всем опровергались и отвергались абхазской цивилизацией. По этому поводу в народе бытует очень много притч и пословиц, афоризмов. Приведем одну из них, правда несколько резковатую, но верно отражающую моральную сторону народа: «Кто слишком много думал о своем чреве, тот насытился своим дерьмом, а кто слишком стремился овладеть женщиной, совратил свою мать». Вахушти, грузинский царевич, в XVII веке писал об абхазах: «Между ними не бывает прелюбодеяния, ибо виновных сжигают».

М. Медичи отмечал: «Когда сватаются (абхазы – авт.), то после проведения приличествующего случаю веселья и изъяснения пред своими стариками (на брак), справляют свадьбу. Если с ними случится что-либо нарушающее благопристойность, то (провинившегося) поведут к морю и бросят в воду, и никто не может заступиться. Эти старики считаются их священниками и совершают все ритуалы, как духовные, так и светские».

А. Векуа в 1912 г. подчеркивая: «Считаю не лишним сказать то, что хотя в Абхазии семейные дела не связываются, за малым исключением, христианским браком, но надо видеть в какой чистоте и неприкосновенности остается вообще у абхазцев семейный строй! В Абхазии совершенно не существует нарушения супружеской верности мужем и женой. Чистота нравов в этом отношении находится в патриархальном отношении». Многие очевидцы подчеркивают удивительную нравственность, совестливость и стыдливость абхазов. В народе всегда стремились женщину, оставшуюся вдовой, выдать замуж, вдовца женить, заботились обязательно о том, чтобы дети не росли сиротами. У абхазов не было нищих – «история этого

не знает». Просить что-либо считалось крайним унижением.

Правильное воспитание дает мужчине пронести в себе ту чистоту и непосредственность, какой отличаются дети. Воин в глубине души ребенок, ибо он чист и поэтому воин, не задумываясь, идет тропой войны, перейдя ту грань, которая считается земной жизнью. Часто многим приходилось наблюдать, как в душе суровых мужей пробуждался ребенок. И правильно отмечал Ф. Ницше: **«В настоящем мужчине скрыто дитя»**. Настоящий воин чист и непосредственен, как дитя. И на таких людях держится мир. Нечисть к ним не пристаёт.

Вообще в древности народ разделялся следующим образом: на первом плане стоял царь (апсха), за ним шли полководцы, министры, князья. На втором месте управители, учителя, купцы, далее за ними шли вольные жители, земледельцы, мастеровые и низшую касту составляли преступники, рабы и дворцовая прислуга*.

Основную массу народа составляли вольные жители – анхаю, от слова «жить», «жизнь» (кстати слово «Анх» в древнем Египте означало «жизнь»), и именно эта часть населения издревле решала судьбу страны во все времена,

* В более поздние времена народ делился на пять сословий. Интересно сообщение К. Мачавариани: «Абхазы в прежние времена всегда обращали покоренных в рабов и рабынь. В Абхазии насчитывалось пять сословий, и к пятому относились настоящие крестьяне-земледельцы, на которых лежала самая тяжелая работа. Но абхазцы упорно настаивали, чтобы контингент пятого сословия состоял не из коренных абхазцев, а из пленных, набранных во время нападений на Мингрелию, Имеретию и даже Грузию. Этим объясняется, почему в крестьянском сословии в Абхазии можно встретить фамилии мингрельские, имеретинские, сванетские, гурийские и др. Эти фамилии в Имеретии, Сванетии, Гурии и Мингрелии пользуются правами князей и дворян, а в Абхазии находятся на степени рабов».

зачастую собравшись народным собранием, и изгоняла из страны за недостойное поведение владельцев, как лиц посягнувших на столпы нравственности. Оружие обязаны были носить все, кроме рабов. Каждый человек считался бойцом, и в случае необходимости отправлялся в поход, но на войну не брали тех, у кого не было сыновей. В стародавние времена это был непреложный закон. Где бы не погибал воин, тело его должно было быть предано земле в родной общине, рядом с могилами предков. Всех детей, в том числе и представителей высшего сословия воспитывали по-спартански, приучали к мужеству, ходьбе в горах, мореплаванию, джигитовке, меткой стрельбе и мастерскому владению холодным оружием. Рассказывают, что Алхаса Ачба из Ачандары в семилетнем возрасте отдал на воспитание в Псху известному роду Аджыр-ипа. Воспитатель утром рано отправил его за водой к роднику. Мальчик принес полный кувшин воды. Воспитатель, взяв кувшин, вылил воду, сказав при этом, что вода теплая. Мальчик снова пошел по воду и вновь Аджыр-ипа вылил воду, точно также и в третий раз. Ребенок не мог понять, что случилось. И только на четвертый раз, пойдя по воду, он, прежде чем наполнить кувшин, омыл руки и лицо и поставил воду на место.

Аджыр-ипа улыбнулся: «Вот сейчас, дад, ты принес свежую воду».

С этим четко сочетается утверждение В. Эмерсона: **«Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и образования, не величина городов, а облик человека, воспитываемого страной»**.

Чтобы приучиться к ловкости много времени отдавали физической подготовке. Одним из мето-

дов был следующий – мальчика лет девяти-десяти ежедневно приучали работать с большим увлажненным комом глины. Он по несколько часов в день втыкал пальцы в глину, со временем пальцы становились настолько сильными и гибкими, что ученик мог спокойно двумя пальцами разбивать орехи или переламывать усилием одной руки плотную доску, и поэтому прошедшие этот курс юноши, стоя в седле, на полном скаку легко управляли конем, держа узду мизинцем. Одной из любимых спортивных игр была борьба за перетягивание освежеванной шкуры животного. Состязание это происходило следующим образом;

Во второй половине дня, когда заканчивалась свадьба, всем гостям из других сел показывали свои ворота – «амба». Каждое село знало свои ворота. Затем старший из хозяев влезал на дерево, брал в руку освежеванную козью шкуру и кричал: «Бросаю, бросаю ее вам, слушайте вы – гости, – выкрикивал название села, – вы должны победить», – и с этими словами он высоко подбрасывал шкуру. Затем всадники старались каждый со своей стороны перетянуть скользящую шкуру у своих соперников. Перехватившего не пропускали к своим воротам. В конечном результате одна из команд добивалась победы. Победителей в этот вечер не отпускали домой. Резали быка, вновь накрывали стол, и свадьба продолжалась. Затем слава о победителе передавалась из уст в уста.

На высоте 10-12 метров подвешивали на двух шелковых нитях кисти из сплетенных ниток – ачыхэ. Наездники, выстроившись на расстояние ста метров («100 конских голеней») в ряд, сидели в седле, держа в руках заряженные двустольные пистолеты – акяраху. Посредине, между всадниками и мишенью, на свежем виноградном листе клали мелкую золотую монету. Наездник на полном скаку должен был поднять монету и в то же мгновение, не останавливая

коня, двумя выстрелами перерезать шелковые нити и затем, на скаку, не дав упасть ачыхэ, подхватить его. Это трудное упражнение, требовавшее крайней точности и мгновенного расчета, виртуозно исполняли абхазские юноши. Были такие наездники, которые на полном скаку поднимали зубами с бурки пятирублевую золотую монету.

Устраивались единоборства всадников «еыхэцэыла айсра». Искусные наездники, став друг

против друга, подымали коней на дыбы и каждый пытался сбить соперника грудью лошади, или передними копытами коня. Зачастую в этом состязании всадники делились на две группы и, став друг против друга на расстоянии 20-30 метров, по сигналу мчались навстречу друг другу и при встрече, подняв скакунов на дыбы, передними копытами коней сбрасывали наездников с седла. Это был один из видов боевой подготовки. На поединок давали 15 минут, если победитель не определялся, то добавляли еще пять минут,

Вот, что пишет известный французский просветитель Мишель Монтень об искусстве наездничества кавказских горцев, виденное им в Турции:

«В наше время в Константинополе видели двух человек, которые, сидя верхом на одном коне, на всем скаку прыгнули по очереди на землю и потом опять взлетали в седло. Видели и такого, который скакал во всю прыть сразу на двух лошадях, стоя одной ногой на седле первой лошади, а другой на седле второй, и в то же время держал на себе человека, а этот второй человек, стоя во весь рост, очень метко стрелял из лука. Были и такие, которые пускали коня во весь опор, стоя вверх ногами в седле, причем голова находилась между двух сабель, прикрепленных к седлу».

И не случайно российский генерал И. Бларамберг отмечал, что «кавалерия этих народов (Западный Кавказ – авт.) превосходит любую кавалерию мира». Далее он говорит: «Их кони просто неоценимы, т. к. они преодолевают по 60 верст в день иноходью, не уставая». Венгерский путешественник Шарль де Бесс в 1829 году, будучи на Северном Кавказе, так описывал боевые упражнения черкесов и абазин:

«Вот в чем состоит эта игра, требующая большого опыта и необычайной ловкости: один из всадников, которому поручают отдать свою шапку в качестве мишени, скачет вперед во весь опор и через сотню шагов бросает эту шапку влево от себя и приблизительно на расстоянии двадцати шагов от дороги тот, кто должен выстрелить, выскакивает из толпы своих товарищей и, также устремляясь во весь опор, хватая свое ружье, висящее у него за спиной, вытаскивает его из чехла, сшитого из шкуры дикой козы или барсука и, промчавшись со скоростью молнии мимо шляпы, он, поравнявшись с ней, сбивает ее пулей, почти всегда попадающей в цель. Другой всадник быстро возвращается и, не слезая с коня, снова подхватывает шляпу, уже пробитую и в жалком состоянии, но это его не огорчает, а радуется. Уздени поочередно принимают участие в этой игре, которую они

страстно любят, и они это доказали, занимаясь на протяжении пяти верст этим состязанием... В этой игре нас поразила ловкость и скорость горцев. Правда турецкая игра джарид также требует ловкости, но ее и сравнивать нельзя с черкесским состязанием, требующим такой ловкости и быстроты, которые бесподобны. Из сотни выстрелов не бывает ни одного промаха, никогда ни один конь не падает и не получает ранения. Все свершается по порядку и с необыкновенной ловкостью. Сопровождавшие нас казаки попытались подражать этим молодцам, но насколько они уступали тем, с кого брали пример».

А вот сообщение С. Смоленского (середине XIX в.), наблюдавшего игры абхазов, сопровождавших Константина Чачба в его поездке по Бзыбской Абхазии:

«Вследствии этого нас сопровождала пестрая, шумная свита, состоящая из целой толпы конных и даже пеших абазинцев. Первые из них почти во весь путь джигитовали, причем один схватывал с себя шапку и подбрасывал кверху, другие в это время успевали вынимать из чехлов ружья или из-за поясов пистолеты, стреляли в шапку и она падала, пронизанная пулями, что делалось при полном карьере. Бросали также шапку и другие вещи на дорогу, а задние на скаку поднимали их, и затем подбрасывали вверх, вынимали ружья, делали выстрел, не допуская вещи до земли. Вообще абазины выказывали много ловкости, живости движений».

Народные собрания, свадьбы и поминки у абхазов в старину были своеобразными, как отмечали очевидцы, «олимпийскими играми». На поминках накануне устраивали обряд «Самакуа». Он носил театрализованный характер. Здесь представляли шутов, скоморохов, «кечеков», которые своими представлениями и шутками снимали траур с хозяев и прибывших гостей. Тогда проводился очень интересный, но уже почти забытый обряд:

«Выступлением «кечеков» обычно предшествовало так называемое шествие быков. Тушился вокруг свет, открывалась калитка и во двор загоняли од-

ного за другим быков. Это были животные, пожертвованные родственниками к столу для гостей, прибывших на годовщину. На возвышенном месте на виду у всех становился кто-либо из почетных лиц и громко возвещал присутствующих имя и фамилию жертвующего, а во двор через калитку в это самое время входили с небольшими интервалами один за другим быки, с большими, обычно разукрашенными рогами, к которым прочно прикреплялись большие горящие восковые свечи. Эти свечи только и освещали двор. Медленно и торжественно проходили быки между рядами зрителей, дававших свои оценки каждому из них.

После этого начинались представления шутов и скоморохов, одетых в разноцветные смешные платья».

На следующий день, после того, как вставали из-за стола, как сообщает М. Лакербай, «наездники сидели уже на конях с покрывалами. Другая половина наездников садилась также на коней и, дав первым разъехаться в разные стороны, бросались за ними в погоню, одни старались вырвать покрывало, другие – ускакать от преследователей. Наскакавшись вдоволь по полю, наездники в заключение своей потехи бросали развевающуюся ткань в толпу пешего народа, между которой происходила борьба, и ткань разрывалась на мелкие куски.

За этой первой партией выезжала вторая, состоящая из наездников, одетых в шлемы и панцири, сплетенные, например, из веток молодого орешника, за ними точно также пускалась другая группа наездников. Одни из них старались проскакать со своими трофеями как можно дальше, другие поскорее отнять трофеи и самим увенчаться ими. Если преследователи не успевали исполнить своего желания, то тогда шлемы и панцири точно также бросались в толпу пешего народа и разрывались на части».

На поминках разыгрывали своеобразную эстафету – «атарчей». Один из всадников получал «атарчей» (флаг), обычно красного цве-

та, и устремлялся вперед. Затем за ним вдогонку отправлялись остальные всадники, стремясь вырвать у него эстафету. Тот, кто возвращался назад, становился победителем и получал приз.

На поминках устраивались состязательные стрельбы. Победитель получал приз, часто это было изящно инкрустированное серебро, золотом и слоновой костью абхазское кремневое ружье, пистолеты. В старину, когда не было огнестрельного оружия, состязания проводились из лука. На большом расстоянии на ветке дерева подвешивали пустую цельную яичную скорлупу. Попасть в нее было очень трудно, так как она раскачивалась от ветра. Самые меткие стрелки из лука с первого выстрела поражали цель. Часто вешали десять таких целей, и все они бывали точно поражены без единого промаха.

В Абхазии по случаю священного праздника Амшап и других часто устраивали состязания, где помимо скачек состязались в прыжках в длину. Делалось это так, растягивали по две-три бурки, и нужно было перепрыгнуть их с разбегу.

Следующими были прыжки в высоту. Ставили планку от 180 см до 2 метров и выше, и надо было преодолеть высоту.

Затем свершалось метание алабаци. Нужно было ловко метнуть свой охотничий посох и поразить ею цель величиной с грецкий орех.

Устраивали поднятие и метание тяжестей. Надо было бросить тяжелый камень и как можно далее. При поднятии тяжестей надо было одной рукой поднять и пронести на определенное расстояние мельничный жернов. Его одевали на локоть, иногда вес его мог быть до десяти пудов.

Всадники ставили своих коней хвостами плотно друг к другу, и между ними через коней перепрыгивали хорошо обученные скакуны, наездниками на которых были смелые и подготовленные джигиты. Ловкие наездники умели на полном скаку, правя скакуном одной рукой, а другой на острие прута, виртуозно удерживали тарелку с рюмкой вина, и при этом не проливалось ни капли.

Сымсым Мурат из Калдахуары ставил своего скакуна в седле, поверх седла укреплял кинжал острием вверх и перепрыгивал это препятствие.

Приведем неполный перечень народных игр у абхазов:

1. Абазшьтыхра; 2. Акаламшьтыхра; 3. Ачабра шьтыхра; 4. Афырцаншьтыхра; 5. Амардуан афалара; 6. Атарчеи; 7. Ацмаца амакра; 8. Аеы ахыцара; 9. Аеы рхэмарра; 10. Чараз; 11. Ёыхэ-тцэыла айсра; 12. Азсара; 13. Аим-тцакъачара; 14. Акъан аихсра; 15. Ацэкъа аихсра; 16. Акэакэтэара; 17. Алеифацшыра; 18. Амџаџ ацхъа-неира; 19. Ампыласра; 20. Къарампыл; 21. Аурасампыл; 22. Акъа-броу; 23. Аисара; 24. Ахэызбалатцара; 25. Апеллоу асра; 26. Хэызбатцаркъакъа; 27. Алабашья аршэра; 28. Чифт; 29. Ахахэ арцара; 30. Ауа-па еитцыхны ахыцара; 31. Ёадарца; 32. Кэсыца; 33. Атцэыргыла; 34. Атцэыргыла ахыцара; 35. Алабаршэра; 36. Атцэеигэыдтцара; 37. Ахылцахас; 38. Акъацра; 39. Аркыыл; 40. Алабакэырс; 41. Амба; 42. Анапыртцэира; 43. Ацхъаџым-тра; 44. Ацсыцхэлартцара; 45. Арахыжэра; 46. Аргъала (ауаргъала); 47. Атцкэым еитцыхра; 48. Атырас еисара; 49. Алу шьтыхра; 50. Ахэзаатцэира; 51. Ацуфара; 52. Бызла еикэцара; 53. Ацакъа асра; 54. Ахысра; 55. Ацэхарыршэра; 56. Аџра; 57. Ажэџашэакъа айсра; 58. Нацэкъарала айсара; 59. Цыгэхыршэт; 60. Цыт; 61. Акаканцэа хэмарра; 62. Амацэаз хэмарра; 63. Амацэаз аихсра; 64. Мцы-мцы; 65. Ашьапыкэсра; 66. Ахтырцахэмарра; 67. Ахтыр-цакэашара; 68. Калам-кыдтца; 69. Ахадакэыркэыр; 70. Ипуа-икэыршэа; 71. Бгартцахы айкэ-цара; 72. Ажэеипшь ныхэара (ашэарыцаџцэа реицлабра); 73. Ашьха шэарыцаџцэа реицлабра; 74. Ахэакъара; 75. Акама къара; 76. Аипцхныџлара (40 км инареи-ханы); 77. Сендас; 78. Ёрампыл; 79. Авыр-выр (бумеранг); 80. Зы-рхэы-хэмарра-Адама; 71. Хэызба аршэра; 72. Апса еигэыдтцара; 73. Аеыбгаказара; 74. Ёыла амца ахыцара... И это не все.

В предании об известном абхазском герое Кайтмас-ипа Халыбее рассказывается (действие происходит в первой половине XIX

века): «Князья в те времена устраивали состязания, на которые приглашались лучшие наездники не только со всех концов Аpsны, но и с Северного Кавказа. Скачки, джигитовка, стрельба в цель, перетягивание свежей козьей шкуры и другие спортивные зрелища длились 7-10 дней.

Кайтмас, отец Халыбея, при жизни оставил сыну табун отборных коней. Мать Халыбея, отобрав еще жеребенком породистую кобылу, в течение пяти лет не подпускала к ней отменного жеребца. Затем из первых народившихся жеребят, она стала воспитывать скакунов для сына. В таких случаях первородки становятся подобны арацам Нартов.

Когда пришла пора состязаний, Халыбей отправился на них на своем могучем и породистом скакуне, которого ничем нельзя было отличить от нартского араца. На состязания собралось много народа. Действие происходили в Цабале. Кайтмас-ипа решил состязаться с наиболее сильными наездниками.

– Ты еще слишком молод, останись, у тебя все еще впереди, ты еще нам будешь нужен, – пытались отговорить его от участия в состязаниях.

– Нет, я буду состязаться с ними, – был его решительный ответ.

В самом начале скачек он вырвался вперед и никто не смог обойти Халыбея. Шедшие за ним отстали на половину дистанции. Собранный со всех сторон народ Аpsны несказанно был рад победе, ибо в предыдущие годы побеждали гости с Северного Кавказа.

Затем начались соревнования по перетягиванию свежей козьей шкуры. Во всех одиннадцати поединках первое место взял Халыбей и завоевал все призы: скакуна, породистого быка и сто голов скота. Вернувшись домой вместе со счастливыми из-за его побед земляками, он раздал часть скота своим односельчанам, а остальное забил на торжестве, устроенном в честь его победы.

Так в течение пяти лет он подряд побеждал в состязаниях. В то же время князья и дворяне, снedaемые завистью и видя, как народ устраивал пиры в честь победите-

ля, гордясь им, видя, что авторитет и слава Халыбея превосходит их почет, зная замыслила убрать любимца народа.

Князь Дзапш-ипа Тагу играл свадьбу и пригласил на нее много гостей, в том числе и Кайтмас-ипа Халыбея. На третий день начались состязания по перетягиванию козьей шкуры. Князь заранее подготовил и настроил своих людей на то, чтобы они, найдя повод, убили или покалечили Халыбея. Но Кайтмас-ипа и его люди догадались, что хозяин замыслил что-то неладное. Во время игры он выхватил из рук соперника свежую козью шкуру и на своем скакуне промчался сквозь заслон всадников так легко, словно сквозь заросли папортника.

Увидав это, люди Дзапш-ипа и родственники других князей, прищпорив обоих коней, в большом числе бросились в догонку за Халыбеем. Увидев погоню, он приостановил коня и, поняв, что его хотят выбить из седла, повернул своего араца на преследователей и в течение очень малого времени поверг на землю человек двадцать пять его соперников. Затем, вернувшись, потребовал выдать ему, как победителю, приз. Его земляки, поняв, что готовится что-то неладное, окружили Халыбея полукольцом. Кайтмас-ипа поклялся, что он не уйдет никуда, пока не получит завоеванных им призов.

«Он победил в скачке и в перетягивании свежей козьей шкуры, – подумал князь. – Он сбросил наземь человек двадцать пять моих людей, да и спутники его не робкого десятка», – Тагу понял, что придется отдать призы победителю. Да и земляки его все как на подбор, одолеть их невозможно. Дело заканчивается миром, и все разъехались по своим домам.

С той поры абхазский народ еще больше полюбил своего защитника, отважного Кайтмас-ипа Халыбея. Враги, завидев его, обходили стороной, близкие гордились им».

Пожилой Ачба Фети рассказывает, как происходили такие состязания среди абхазов, проживающих в Турции:

«В старые времена проводились состязания с атарчеем. После эстафеты атарчея, начинались спортивные игры по перетягиванию козьей шкуры. Победителя в этом виде состязания объявляли предводителем. Каждая община стремилась одержать победу. Всадники состязались отдельно. Шкура была освежевана, скользкая, каждый стремился перетянуть ее к себе. Ничто не останавливало всадников: ни заборы, ни канавы, ни строения.

Очень красиво об этих состязаниях объявлял Аргун Абдурахман. При этом он должен был обязательно влезать на дерево и объявить о начале игры.

Молодежь из шерсти животных делала мяч и играла в него. Проводили игру в аркил. Играли в жмурки с завязанными глазами, время от времени окликая друг друга. Соревновались в поднятии тяжести и метании камней. Устраивали скачки на несколько километров, победителей одаривали призами».

Верным другом и надежным спутником абхаза был преданный конь. «Абхазцы прекрасно ездят на своих маленьких лошадях, привыкших к трудным походам.

Мужчины всегда едут первыми, чтобы защитить женщин, следующих за ними», – отмечает барон де Бэй. «В лошади есть человеческая кровь», – говорят абхазы. Среди

соседних народов сложилась поговорка: «Среди всадников абхаза можно отличить издали». Рассказывают:

«В Апсны одним из самых известных и прославленных героев

был Аджгирей-ипа Кучук. Другой он подбирал под стать себе. Был у него товарищ Махматкери. Однажды на Абхазию напал враг – апстыр со стороны гор. Кучук вместе с друзьями выступил

ка приходилось до двадцати захватчиков. В этой битве Махматкери получил тяжелое ранение и без чувств упал наземь. После того, как Махматкери был ранен и упал на землю без чувств, враги начали преследовать его коня

по кличке Курышв, ибо слава об этом непревзойденном скакуне дошла и до них. Но как ни преследовали коня, как не пытались его заарканить и схватить, как не стирались измучить Курышва, он не дался врагам. Оторвавшись от преследователей и несмотря на долгую и изнурившую коня погоню, он как хорошая скаковая лошадь, направился к тяжелораненному хозяину. Остановившись возле Махматкери, который будучи ранен в живот, лежал на спине, верный конь, не желая беречь рану хозяину, осторожно опустился на одну ногу, согнул ее в колене, затем также опустился на второе колено и стал перед хозяином на передних коленях. Потом бережно перевернул Махматкери набок, осторожно зубами подобрал повыше серебряный пояс, чтобы тот не задевал рану и, подняв раненого за пояс, помчался с поля битвы. Враги не смогли их догнать, а друзья в пылу битвы не смогли прийти на помощь.

Курышв мчался изо всех сил, стараясь скорее добраться до человеческого жилья. Увидев дом на окраине села, конь остановился и пронзительно заржал. Когда выбежали хозяева, то увидели лежащего на земле тяжелоране-

против многочисленного врага на защиту страны. Как говорила моя бабушка Хыш-пха Есма, нападавших было так много, что на каждого воина из отряда Кучу-

ного Махматкери и стоявшего над ним верного коня. Махматкери занесли в дом и сделали все, чтобы спасти ему жизнь. Махматкери выжил, встал на ноги и совершил еще много подвигов, но его любимый конь Курышв, которого не смогли пленить до этого враги и который вынес хозяина с поля битвы, при этом измотав все силы, выложился до предела и не выдержав напряжения, надломившись, умер. Так верный конь Махматкери ценой своей жизни спас хозяина». (Со слов Тарба Евдокии Муратовны, г. Сухум, 1995 г.).

А вот другое предание о знаменитом герое, записанное в Кабарде со слов Кардангушева Зарамука Асланом Марзей:

«Аджгирей-ипа Кучук был знаменитый наездник, побывавший во многих походах. Лучше его, говорят, никто не знал местности, дорог, не мог ориентироваться по звездам и другим приметам. Отправившись в поход ночью во главе партии, он останавливался в открытом поле, доставал шило, показывал соотечественникам и говорил: «Когда будем возвращаться обратно, заберем». С эти-

цем, в 1937 г. был репрессирован известный наездник Лакоба Кянтас. У него был отменный конь. Через год скакун от тоски по хозяину скончался. Коня похоронили и оплакали, как человека. Затем были устроены сороковины, а через год настоящие поминки по скакуну в с. Лыхны.

Со дня погребения в с. Лыхны известного героя первой мировой войны корнета Коции Лакрба его денщик в течение многих дней водил лошадь покойного на его могилу. На вопрос, почему он это делает, солдат ответил:

– Я знаю, что бедный конь чувствует, что его хозяин умер и ему хочется повидать могилу своего любимца.

Чтобы в совершенстве отработать реакцию и метко попадать на любой шорох противника или

в середине XIX века, оставил описание этого состязания:

«Мужчины танцевали джигитку – танец, в котором один из участников платил жизнью или серьезной раной. В танце этом главнейшую роль играли кинжал, винтовка и руки; ноги же тут дело второстепенное. Друзья или люди не враждебные друг другу никогда не танцевали джигитки, но всегда принимали в ней участие лица, желающие отплатить старую обиду или похвастать удалью и молодечеством. Не было в горах такого зрелища, которое собирала столько любопытных, сколько собирало на арену известие о начале джигитки.

Два соперника или танцора, положив руки на кинжалы и закрыв голову башлыком, отмеривали между собой двенадцать шагов расстояния. Под такт протяжной песни зрителей, танцующие, притопывая и приседая, сходились между собой. Едва только оставался между ними один шаг расстояния, как песня зрителей ускорялась, и бойцы, притопнув, с гиком делали три крутых поворота, стремительно обнажив кинжал. Здесь удар мог быть нанесен только в шею или спину, а так как плясуны делали повороты в одно и то же мгновение, часто с одинаковым искусством владея оружи-

ми словами, не слезая с коня, свешивался, втыкал его в землю. Возвращаясь из похода, он безошибочно находил то место, доставал шило. «Вот так вы должны знать дороги», – говорил он.

В память скакунов устраивали тризны. Как рассказывал Георгий Трапш, чему он являлся очевид-

в абсолютной темноте по звуку, «соперникам», предварительно завязав глаза, устраивали своеобразные дуэли на кинжалах или с заряженными винтовками. Схватка продолжалась до первого легкого ранения, реагировать нужно было, как говорят абхазы, «подкожным зрением». Российский офицер, бывший в плену у абхазов

ем, то первая половина джигитки кончалась или ничем, или легкою царапиною. Затем зрители очищали арену, чертили на земле большой круг, в который вводили с завязанными глазами плясунов, вооруженных винтовками, а сами, под мерный напев той же песни, ложились за камни. В этом иногда встречались чрезвычайно забавные сцены. Противники, обязанные бить ногами такт песни, преследовали друг друга, стараясь по топоту и шороху угадать место один другого. Иногда они сталкивались и при громком смехе зрителей падали. Тогда каждый из них спешил подняться и уйти, чтобы не попасть под дуло винтовки, и снова падал под ноги противника. Но бывают и такие случаи, которые кончаются для обоих плясунов последним пируэтом смерти. Бывали примеры, что пляшущие в одно и то же мгновение сходились, уставя в припор винтовки, и падали, обагренные кровью».

Наиболее подготовленные наездники могли на полном скаку перерезать меткой пулей нить с золотым кольцом и на лету подхватить ее. Другие ставили нож и с большого расстояния разрезали об его острое лезвие пулю. Инапха Кягуа на расстоянии ружейного выстрела вбивал в землю алабашу, втыкал в ее навершие шило, поверх одевал папаху и метким выстрелом разрезал лезвие шила.

Оружие ценилось превыше всего. Об этом гласит старинная пословица: «Смерть наездника – плач в его доме, потеря оружия – плач в целом народе». Оружие носили прежде всего для того, чтобы блюсти честь и достоинство. Вот что подмечает в связи с этим Дж. А. Лонгворт, корреспондент английской газеты «Таймс», проживший год на Западном Кавказе (1839 г.):

«...в стране, где ружье, пистолет, кинжал составляют неотъемлемую часть костюма каждого мужчины, сознающего свою гордость и независимость, которым это оружие призвано облекать, понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие. Ни в какой другой стране мира мане-

ра поведения не является столь спокойной и достойной, и ни в какой стране чужестранец, после того как он отождествлен с одним из кланов – а эту привилегию он приобретает, став гостем одного из членов клана, который становится во всем ответственным за него – может путешествовать в большой безопасности».

Шарль де Бесс в 1829 году писал: «В течении нескольких лет при дворе императора Николая есть черкесский эскадрон, несущий службу в императорской гвардии; его численность собирались увеличить на 150 человек. Говорят, что их форма замечательна, а черкесская форма привлекает всех жителей столицы. У черкесов действительно военный вид: на коне они чувствуют себя очень удобно, ибо с детства вооружены и ездят на ретивых конях, которых часто не покидают в течение целого дня. Они никогда не выходят без оружия или, во всяком случае, без сабли, которую они называют федж, и кинжала за поясом. Вообще у них отличное вооружение, но очень дорогое, оно всегда хорошо начищено и сверкает. Их кони выхолены, седла венгерского типа и очень изящны.

Во время моего пребывания в Константинополе мне пришлось беседовать с двумя черкесами, возвратившимся из Санкт-Петербурга, где они служили в императорской гвардии один год, установленный срок, по истечении которого черкесы возвращаются на родину и их заменяют другими. Я спросил этих двух человек, нравится ли им пребывание в Санкт-Петербурге. Они ответили, что свой домашний очаг в тысячу раз больше предпочитают всей столичной роскоши, и вовсе не потому что недовольны жалованием, которое им было уплачено, потому что, повторили они, в тысячу раз больше любят свою родину и независимость».

Во времена Екатерины II Кавбардой правил великий Казбек Канок. По рассказам современников князя, он был природою так щедро одарен, что народ видел в нем человека выше обыкновенного.

Казбек мнение народа оправдал, за что впоследствии он прозвал его Казбеком Великим.

Русское правительство, сильно его опасаясь, напрасно употребляла все меры и средства подготовить или склонить его на свою сторону. «Даже Царь-женщина (Екатерина II), – отмечает генерал российской службы Муса Кундух, – после одного его великодушного поступка с донскими казаками, сама прислала к нему своего адъютанта с очень богатыми подарками, от которых князь, разумеется, отказался, прося адъютанта поблагодарить Царя-Женщину за ее к нему величайшее внимание и не осудить его зато, что он, к сожалению своему, не может, по обстоятельствам своим, при всем желании, воспользоваться ее богатыми дарами, превышающими в ценности все его состояние.

Адъютант, будучи озадачен неожиданным отказом, начал сильно настаивать и убеждать Казбека в необходимости согласия принять подарки, как знак благоволения Царя-Женщины.

– Я бы их принял, – заметил князь, – если бы я был в состоянии хоть сколько-нибудь им соответственно взаимно отблагодарить, но я говорю, что они больше стоят, чем все мое состояние.

Когда адъютант продолжал убеждать, что отказ его может огорчить Царя-женщину и будет против приличия, то князь спросил его:

– Не правда ли, всякий человек вольно или невольно должен подчиниться своим народным обычаям, веками сложившимся, которые он привык считать священными?

– Правда! – сказал адъютант.

– Если это правда, то кто же из нас прав – ты или я? По-вашему стыдно не принять, а по-нашему – стыдно принять и потом ничем не отблагодарить.

Таким образом адъютант с подарками отправился обратно в Россию.

– А в чем состоял великодушный поступок с донскими казаками? – спросил я.

– Русский отряд, – продолжал князь Мисостов, – расположился там, где теперь стоит Ставрополь. Так как местность эта, как вы знаете, неровная, состоит из множе-

ства балок и возвышенности, начальник отряда каждый день по утрам и вечерам посылал на все четыре стороны постоянно казачьи отряды. Черкесы, подметив их, сделали в двух местах засаду и неожиданно напали на разъезды,

Таким образом, храбрые казаки, получившие каждый по одной лошади из лошадей сдавшейся сотни, были отправлены в русский отряд.

Кроме того, черкесы из числа 25 человек напали на казачий

своему, будем считать храбростью и мужеством, если пять черкесов нападут на двух казаков?».

Защита родины, единство перед поставленной целью – это одна из важнейших задач в воспитании подрастающего поколения в неписанном кодексе чести горца. Рассказывают, что известный воин Куджба Капыта побратался с четырнадцатью абхазскими родами. Капыт был известен своей отвагой и мужеством, предводительствовал в боевых походах, отличался суровым характером и неимоверной силой. Однажды он заметил, что его побратимы занимаются не тем, чем подобает, и сеют рознь. В один день он вызвал их всех, подвел к дереву, согнул его и сказал всем: «Удержите его». Все схватились за дерево, пригибая его к земле. Тут Капыт отпустил ствол, и он, распрямившись, поднял всех четырнадцать человек наверх. «Капыт, помоги нам сойти», – взмолились они. Капыт вновь согнул дерево, и они спустились на землю. Затем обратился к ним: «Видите, если мы братья, то должны быть едины». И по сей день эти роды считаются, как братья.

Для развития силы и выносливости боролись на освежеванной шкуре быка на речной поляне, гу-

из коих одна сотня без малейшего сопротивления была взята в плен, другая моментально соскочила с коней и, застрелив своих лошадей, успела сделать из них завалы, ведя перестрелку, нанося черкесам чувствительный урон.

Наконец черкесы, устыдившись, разом ударили на них в шашки и оставшиеся в живых до шестидесяти человек взяли в плен.

Когда пленные казаки были представлены Казбеку Великому с подробным объяснением дела, то ту сотню, которая без малейшего сопротивления сдалась, он приказал отдать черкесам, не разбирая чинов и звания, а храбрых казаков спросил:

– Почему вы так дерзко защищались?

– Мы исполняли долг присяги и службы, делали то, что приказал наш командир.

– А у кого родилась мысль резать лошадей?

– У сотенного командира.

– Где он?

– Изрубили шапками.

– Жаль его, – сказал Казбек, – он и вы все достойны всех похвал, и потому возвращаю вас обратно, в надежде, что вы все получите заслуженные награды.

пост, состоявший из одного урядника и 7 человек казаков, забравши их в плен, они радовались своим героизмом.

Казбек, узнавший об этом, сильно устыдил их, что они в числе 25 черкесов напали на 8 казаков и считают себя победителями.

– Мы, – сказал Казбек, – благодаря Бога, черкесы! Победа – это когда ты разбиваешь и обращаешь в бегство отряд, вооруженный и в численности более нашего.

Самая завидная и похвальная победа та, когда человек с оружием в руках погибает за свою свободу и честь. Неужели, мы, к стыду

сто усыпанной камнями, или между соперниками втыкали кинжал острием вверх. Одним из лучших борцов в XIX веке был Габниа Батакуа. Вот что гласит предание:

«В селе Джырхуа жил прославленный воин и охотник Габниа Батакуа. Он прожил до глубокой старости. В 99 лет у него родился

сын. Умер Батакуа в 1877 году во время последнего изгнания.

Батакуа нес в себе истые черты воина и охотника, достойно соблюдая адаты, завещанные предками.

По абхазским охотничьим законам запрещено было убивать барсов. Барс, взяв добычу, кладет ее на белый камень, и никто из зверей не подходит близко. Охотники, увидев дичь, лежащую на белом камне, обходят ее стороной, дабы не обидеть барса.

По соседству с Батакуа жил некто Алыгу. Он слышал не раз от Батакуа о повадках барсов. Однажды он отправился в горы и увидел дичь, лежащую на белом камне. Алыгу понял, что поблизости должен находиться барс. Сев по направлению ветра, он закурил, чтобы привлечь зверя. Вскоре появился барс. Алыгу, затаившись, убил его.

После этого он вернулся домой и стал хвастаться тем, что убил барса. Когда об этом узнал Батакуа, он, как следует отругав Алыгу, отправился в горы, нашел тело барса и захоронил его с почестями. После этого в течение сорока дней он нес траур по убитому барсу, отпустил бороду. По истечении

дишахе абхазских лесов»:

«Приятною и любимую охотою между горцами считается охота на медведей и кабанов. Выследив зверя, абхазы всегда отправляются партиями от трех до пяти человек. Но в первую минуту его появления на битву выходит только один, много два. Прочие охотники остаются зрителями, готовыми в случае нужды всегда подать помощь товарищу. Борьба с медведем у них считается делом легким и обыкновенным, потому

кабана, как требующая большей смелости, опыта, сноровки, имеют право только привелигированные джигиты. И не всякий горец решится выследить кабана с одною шашкою, как это вообще делается. Кроважадность, свирепость и быстрота, с которою бросается кабана на своего противника, изумительны и ужасны. Надо владеть всею дерзостью горца, всем его мужеством и проворством, чтобы в первую минуту встречи со зверем увернуться из под его острых клыков и, не делая ни одного шага назад, тут же нанести ему удар, верный и решительный, иначе никакая помощь не спасет охотника.

Множество сказок и песен сложили горные абхазы про цебелдинского охотника Кудры-Али, который всю жизнь свою, почти с младенческого возраста, провел в лесах и дебрях Абхазии, гоняясь за медведями и волками, или просяживая целые дни в топких и разных болотах и выжидая там кабана. Случалось, что он заходил иногда в аулы, но решительно только для того, чтобы показать свое бесстрашие, искусство и ловкость. Часто ввиду целого селения по случаю какого-нибудь торжества или праздника Кудры-Али потешал горцев кабаньими или медвежьими травлями, где жертвою для пойманных в капканы зверей был он сам. Рассказывают, что однажды в праздник Ажвейпшаа, в долине Адзгара над безымяною рекою он один, вооруженный только кинжалом, положил на месте семь диких кабанов и медведя.

срока траура, он вновь отправился в горы на место захоронения барса, совершил моление. Только после этого Батакуа сбрил бороду, т.е. снял траур по убитому барсу».

А вот сказ о другом знаменитом охотнике – Кудры-Али – «па-

что зверя нельзя раздражить скоро, а главное, его медлительность в движениях дает часто опытному охотнику подготовиться к ратоборству. На медведя абхазы всегда выходят вооруженные только одним кинжалом и редко остаются побежденными. На охоту же на

С тех пор безымянная речка носит название Кудры-Али. И вот как погиб славный охотник.

Кочуя из страны в другую, Кудры-Али, сам не зная забрел в Аварию... Время подходило к ночи. Охотник прошел два, три нагорных аула и, встречая одни только голые сакли, готов был заплакать от досады, лишенный в первый раз жизни ночлега под дубом или полувековой чинарою, как вдруг к большому и неожиданному его удовольствию вправо, за небольшою речкою, мелькнули развалины замка, а за ними черный и косматый бор. «И сегодня я также, – подумал Кудры-Али, – как и всегда сладко усну под напевы шакалов и рев медведя». С этими мыслями охотник снял с себя бурку и чекмень, вскинул их на конец винтовки, а её на плечо и, напевая одну из своих браконьерских мелодий, пустился вброд через речку. Окруженный непроницаемой тьмою, Кудры-Али достиг, наконец, развалин замка и остолбенел от удовольствия. В окнах подвального этажа блестел огонь, тут же слышался разговор, дребезжание зурн и песни. Кудры-Али подошел к окну и снова улыбнулся от удовольствия, поймав носом струйку табачного дыма и запах вареной баранины. «Нет сомнения, – подумал он, – что это пируют или охотники, или ночные воры, которых мы, горцы, зовем храбрыми наездниками... Во всяком случае, встреча приятная и для меня назидательная!». Не долго думал Кудры-Али, вскарабкался, как кошка на окно, и прыгнул в самую середину пирующих.

– Шайтан или его посланник! – вскричали изумленные горцы при виде гостя и схватились за кинжалы.

– Ни тот, ни другой, – весело ответил Кудры-Али, не забывая повторить их неприязненного движения.

– Откуда ты?

– Из окна...

– Видели... Но верно у тебя есть имя, если только тебя мать родила, а не волчица... Кто ты?

– Я... Кудры-Али... падишах всех адыгских и абхазских лесов...

– Кудры-Али!.. Из Абхазии! – вскричал старый горец. – Не тот ли Кудры-Али, который лет семь

тому назад потешал нашего хана в Хунхазе кабаньей травлею?

– А, ты меня знаешь... Ба! Ба! Старый знакомый, Али-Искер! Коли не ошибаюсь, ханский нукер и старшина всех ханских собак.

– Эге, да позолотятся твои зюльфляры, если вздумаешь отрастить их. Через семь лет узнал меня, как свою винтовку, несмотря на то, что я окривел на старости лет. Садись же, приятель, кстати пришел... Вот тебе бурдюк кахетинского и кусок кабана, которого мы подстрелили сегодня. Право, кстати, – продолжал старый Али-Искер, – ты нам поможешь в важном деле.. Три дня и три ночи, как мы гоняемся по ханскому приказу за тигрицею, без шкуры которой не велено и в аул показываться.

При этом кусок шашлыка оставился в горле Кудры-Али. Он задрожал от восторга.

– Тигрица! – вскричал абхаз. – Где?

– Здесь, вот в этом лесу... и след нашли, да все уходит, а уж надо бы уложить её. Чего же ты не ешь? Клянусь всей хной, которую извела на своем веку моя бабушка, от такого кабана не отказался бы и жид с вершин Фартама. Право...

– Не хочу... сыт, – отвечал Кудры-Али. – Где моя винтовка? – продолжал он, накинув на себя бурку.

– Эге, куда ты? Ночью и один? Подожди до рассвета, пойдем все вместе, надежней будет.

– Не хочу ждать. Хотите, идем сейчас, а уж тигрицы не уступлю.

Аварцы не спорили, и Кудры-Али, расспросив только приметы, по которым можно было открыть следы зверя, отправился один на отчаянный поиск.

Вой шакалов, пронзительный плач ночного филина, да резкий ветер встретили в мрачном и едва проходимом лесу охотника. Привычный к таким сценам, которые отняли бы все мужество и смелость у всякого храбреца, Кудры-Али беспечно подавался вперед, сбрасывая с себя то жаб, то мелких змей, или стегая нагайкой неучитивых шакалов. Время проходило быстро, а Кудры-Али брел, сам не зная куда. Бурка и чекмень его уже были изодраны в клочья. Он потерял кабардинку и, истощая

последние усилия, измученный и усталый, едва передвигал окровавленные ноги. Наконец усталость победила. Чувствуя свое истощение, мучимый жаждою, он отыскал какую-то землянку, более похожую на глубокий ров и ползком спустился в неё. Осмотрев столетые и переменив на одном из них кремь, Кудры-Али, на всякий случай, взвел курок пистолета и, не выпуская его из рук, скоро задремал и заснул.

Лес проснулся. Белки, дикие кошки запрыгали по его веткам, весело зачирикали пташки, встречая прекрасное утро аварской весны. И бледный свет, пробившись сквозь чашу чинар и дуба, упал сероватою тенью на овраг, в котором спал беспечный Кудры-Али.

Но вот он проснулся. И сердце, быть может в первый раз, обливалось холодной кровью минутной боязни. Враг, которого он искал целую ночь, забывшись своим страшным сном, лежал подле него, положив переднюю лапу на плечо охотника. Кудры-Али понял, что настал последний час его и кровавым взглядом окинул окраины оврага. Там блестело восемь винтовок, почти уставленные в его голову.

– Стрелять ли? – прошептал Али-Искер.

Кудры-Али нахмурил брови и быстро повел глазами, как бы говоря этим: «жди». С этим последним и едва заметным движением, он медленно и осторожно придвинул дуло пистолета к уху тигрицы и брякнул курком. Раненный зверь не успел еще очнуться, как ловкий Кудры-Али в два прыжка достиг окраины оврага и изготовил кинжал.

– Стреляй! – воскликнул Али-Искер. Но было уже поздно, прыжок, и тигрица, свившись кольцом, поднялась над головами охотников, рухнула всею тяжестью на абхаза. Сотня ударов посыпалось на разъяренного зверя, но не прошло и мгновения, как уже под ним лежал истерзанный и обезображенный труп славного Кудры-Али.

Так погиб падишах абхазских и адыгских лесов отважный цебельдинец Кудры-Али».

Для отработки выносливости, «крепких колен» устраивали ма-

рафоны по пересеченной местности, например от с. Иаштхуа до Санчарского перевала, длившегося несколько дней, или нужно было принести воду в войлочных башлыках, пробежав по сильно пересеченной местности от с. Хуап и об-

любопытный эпизод праздника. Скакая на тридцати лошадях, мальчики лет двенадцати и четырнадцати, имея под собой черкесские седла без подушек, для того, чтобы не сидеть, а стоять в стременах, с места помино-

их голосом и хлопанием, не касаясь только плетью. Вся эта ватага, составлявшая более чем из сотни ездовых, неслись подобно вихрю, с криком и гиком и хлопанием нагаек, через бугры и рытвины, по полям и лесу, нигде не сдерживая лошадей, с одной мыслью перегнать один другого и взять призы, состоявшие в прекрасной кабардинской лошади с седлом и богатым ружье, пожертвованной владельцем на поминки Шакрилова. Я ничего не видел в Абхазии увлекательнее этой скачки».

Ламберти, итальянский миссионер XVII века свидетельствовал:

«На север от Мингрелии живут абхазцы (Abcassi или Abaschi), которых турки называют (Аввасса). Страна их привлекательная, вся разделена на плодородные возвышенности. Воздух у них здоров и сух, оттого и народ прекрасной крови, имеют красивые лица, белую кожу и благородное происхождение; они храбры, подвижны и ловки, во всех трудах выносливы и поворотливы. Молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время, то упражняясь в употреблении пики, то для под-

ратно, в общей сложности около 40 км и при этом на обратном пути не пролить ни капли морской воды. В конце XIX века победителями этого состязания в селе Хуап были братья-близнецы Хапшь и Аабыдж Хурбыц-ипа. Большой марафон устраивался и в Бзыбском ущелье. В Абхазии были ходоки, которые в быстроте и резвости не уступали скаковым лошадям, о них говорили: «аекэар ихъзомызт» – «он настолько резв, что его не догонит скакун». Были воины, которые своим громовым голосом заставляли коней падать наземь. Хорошего скакуна, подготовленного, ухоженного и воспитанного в течение нескольких лет, определяли следующим образом. На широкую спину коня ставили стакан с водой, и скакун должен был проскакать дистанцию без всадника так, чтобы не пролилась ни одна капля воды.

Скачки в первой половине XIX века устраивали от Лыхненского дворца владельцев до Пицундского храма и обратно. Приведем здесь сообщение русского офицера барона Торнау:

«Эта скачка представляла собой самый оживленный и самый

(Лыхнашта – авт.) к Пицундскому монастырю и обратно, через горы по чрезвычайно тесной и каменистой дороге. Расстояние, которое

они должны были проскакать, составляло около сорока восьми верст. Хозяева скаковых лошадей следовали за ними на переменных лошадях, расставленных по дороге, имея право возбуждать

крепления сил бросая в воздух тяжелые вещи, то перескакивая через канавы, чтобы приучиться к ловкости».

Один из методов развития физической силы у абхазов тогда и

дошедший до XX века был следующим: юноша ежедневно поднимал буйволенка или теленка. Животное прибавляло в весе, и юноша также прибавлял в силе.

А вот наблюдение Дж. Белла на Западном Кавказе (1837 г.): «В продолжении дебатов, происходивших сегодня на собрании... приближенные вождей развлекались (как они это делали и в других подобных случаях) «метанием камня», и при этом во время самого палящего зноя. Камень весил около пяти око – четырнадцать фунтов, и они сами, бросая его без разбега, – на расстоянии 51 фута, и все это упражнение требующее большого напряжения сил, не вызывало, казалось, ни в одном из них даже испарин».

Детей никогда не нежили, уже к 15-16-ти годам из них получались воины. Князья и дворяне всегда отдавали своих детей в семью анхаю, для того, чтобы ребенок, как мы говорили выше, получил уроки горского воспитания. «Имиыци имеимдаци еипшуп» – «Не странствовавший подобен неродившемуся», – гласит абхазская пословица. Российский адмирал Серебряков в 1851 году отмечал: «Партия наша была уже силою до 150-ти человек и между прочим шел с нею наряду с простыми милиционерами пешком один из сыновей Баталбея, мальчик лет 14-ти, не отличаясь ни одеждою, ни оружием, переносил одинаковые труды на ночлегах и на привалах, оставался в их кругу. Таким образом с самых молодых лет приучают в Цебельде даже князья сыновей своих к трудам походной жизни».

«Все мужчины (у абхазов), – пишет Р. Скасси (1818 г.), – с возраста 13-15 лет и до старости приучены носить оружие. Храбрость у них первая добродетель. Воспитание детей все направлено к тому, чтобы внушить им величайшую храбрость, воздержанность, повиновение родителям и почтение к старикам».

Абхазская народная философия четко формулирует эту грань жизни этноса. В представлении народа «Всевышний сотворил абхаза для того, чтобы он умел жить, с достоинством вел себя, был человечен, выделялся в на-

ездничестве и всегда был готов к бою, он сотворен для битвы, каковым он и есть по жизни», – отмечал пожилой абхаз Акуадзба Низам в 1990 г.

Искусство во владении оружием у абхазов доходило до того, что располагали на определенной высоте ряд яблок, всадник на полном скаку должен был шашкой отделить от яблок черешки, при этом не повредив фрукты, или на полном скаку подбрасывали небольшое яблоко и наездник разрубал его холодным оружием на четыре равные части.

Абхаз Кушба Баракат, служивший в 20-30-ые годы в черкесском кавалерийском полку в Сирии, на скаку разрубал горящие свечи так, что они при этом не падали и не гасли.

Когда рождается мальчик, то абхазы стреляют, как бы возвещая всем, что родился воин, которому в дальнейшем суждено защищать свое отечество. Когда в мальчике проявлялись черты, присущие настоящему воину, то старики восхищенно говорили: «Растет апсуа-едыгъа!», то есть растет будущий муж, в котором сочетаются лучшие черты абхазов и адыгов. И, наверное, о них писал Фахриддин Гургани в своей персидской поэме «Вис и Рамин»: «Посмотри, как лучник абхазский смелый, она из глаз своих мечет стрелы». Говоря о черкесах, автор XVIII – нач. XIX вв. отмечает: «Если мальчик возьмет в руки оружие, то все считают это за великое событие, устраивают большое веселье в присутствии всех родственников. Когда же мальчику исполнится семь лет, то его удаляют из отцовского дома и переселяют в дом воспитателя, который учит его, как оседлать лошадь, как обращаться с оружием». Приведем еще одно сообщение, относящееся к той же эпохе:

«Крепкие, античные их члены обрисовывают новых Аяксов и

Ахиллесов, спросите у прохожего абхаза что-нибудь и он, опершись руками и подбородком на дуло длинной винтовки, ответит вам с суровой важностью. Смотря на чрезвычайный стан, грозно-военное положение, приличное только самому образованному воину, и несколько дурную чоху, бурку и изорванный башлык, вы невольно засмотритесь и переберете в памяти своей всех мифологических героев Греции, Рима и рыцарей средних веков. Приученные с младенчества к бесстрашию и ловкости, они, вообще, все отличные стрелки, так что горлицу убивают пулей в сердце в ста и более шагах. Вообще, абхазы добры, как природа, но коварны и злы, если речь идет о родине – обиды не простят. Способности абхазов необыкновенно быстры; почти все рассуждают здраво о таких предметах, о которых задумается и образованный.

При переправе через грозные волны Кодора и особенно глубокой Бзыби, дети их охотно вызывались на переправу вплавь лошадей и, бросаясь верхами в глубину волн, визжа под ухом лошадей, подобно зверю, пронесли большое пространство к морю между несущимися ужас-

ными карчами; один удар их, и они кажется, уже жертвы смерти. Зрители трепетали от страха, но ребяташки вырывались из опасности победителями и, становясь твердо на другом берегу, глядели с удовольствием на окружающие лица, как бы говорили: «вот мы переправились, посмотрим, как вы это исполните», и вслед за тем, не чувствуя ни холода, ни усталости, принимались за прежнее дело».

Очень тонко подметил характерную черту горцев и отношение их к оружию, упоминавшийся выше Дж. Белл:

«Так как я подарил два ружья, привезенные с собой, и не запасся еще другими, то я похож, кажется, на того волка в басне, что потерял свой хвост, и это подтвердил, как только я сошел с лошади, маленький черкесский мальчик: «Кто это?» – спросил он.

– Чужестранец!

– Что это за человек? Я никогда не видел человека верхом на лошади и без ружья!»

Мужчина не мыслился без оружия, ибо он был воин и обязан был им мастерски владеть. Это было заложено в нем генетикой его предков, которые всю жизнь неустанно защищали и берегли священный Кавказ для его приемников – своих детей. И именно о таких людях говорили философы:

«Тот, кто видит смысл жизни в борьбе, постоянно поднимается до уровня новой аристократии. Тот же, кому требуется рабское счастье, покой и порядок, опускается в безликую массу, какого бы благородного происхождения он ни был».

Абхазы, которые находились в Турции, Египте и других странах Востока, в средние века отправляли детей своих в Абхазию, где они получали воспитание, овладевали постулатами Апсуара, и когда возвращались обратно, то делали головокружительную карьеру. И эти абхазы ввели в XVII веке при дворце султана стиль «Абаза», вносить оружие, одеваться, оседлывать и украшать коня сбруей, умению вести себя на манер абхазский, который они привезли в Турцию с родины –

«страны абхазов», что расположено на восточном берегу Черного моря, как сообщают средневековые источники.

У абхазов и убыхов традиционные школы обучения этикету существовали вплоть до XX века. Вот что об этом говорит Атрышба Талаат из Турции:

«Когда мы подходим к разговору об обычаях и традициях (алеишэа), вы не подумайте иначе, о них вы знаете больше, ведь вы находитесь в Апсны, а я в Турции. Я столько не могу себе позволить. Как я слышал, было большое дерево – Агацла (Приморское дерево). Вот у этого дерева – апсуа и азаху (зихи) совместно вырабатывали традиционный характер. В нашем поведении три постулата. Поведение, обычай, достоинство (ақэнагаа). Поведение (алеишэа) начинается с умения почтительно приветствовать. Обычай – это умение образно и красиво говорить, и все что к этому относится. Достоинство – это умение вести себя, когда к тебе подводят коня, встречают с хлебом и солью, в честь тебя закладывают жертву. Для постижения традиционного характера абхазы и зихи собирались у дерева Агацла – в Шача. Местом их собрания было дерево Агацла. Когда мужчине исполнялось сорок лет, он должен был пройти и принять весь курс традиционных правил этикета. Это были неписанные законы, и здесь, под этим деревом, решено было постигать их. Здесь из уст в уста передавали традиции, чтобы абхазы и зихи их не забывали. Это происходило в Туахы, там, где жили убыхи, в Туахы. Туда для обучения этикету присылали молодых абхазов из Ахчипсы, Апсху, Ашвтыла, из Бзыба, из Ахалцыса, со всей Апсны, ото всех общин. Отбирали молодежь и присылали туда. Пройдя в Туахы обучение традиционному этикету, молодые абхазы возвращались к себе в общины, где пользовались всеобщим уважением и почетом. Традиционному этикету (алеишэа) обучались в Туахы. К убыхам очень часто прибывали абхазы. Они убыхи, выделялись своей традиционностью и в истории Кавказа отличались своей отвагой. Наиболее достойных,

прошедших обучение этикету в Туахы, отправляли в абхазские общины. Для овладения всеми постулатами требовалось время. Побыв там, в Туахы, и пройдя курс обучения этикету, абхаз пользовался особым почетом и всегда выделялся своей изысканностью. Обычай (ақабза) – это умение говорить образно и изысканно. Достоинство (ақэнагаа) – это, когда если ты достоин, тебе дарят коня, ухаживают за тобой, в честь тебя приносят жертву, одаривают подарками – все это преподносят тебе по достоинству. Всему этому обучали в Туахы. Туахы было местом учебы.

Зихи (азахэқэа), нас абхазов называют «азгэа», мы зихов (азахэқэа) называем адыгэа. И то есть и это есть, но мы едины».

Эти традиции продолжились в Турции. Вот что рассказывал Батыр-ипа Щамсеттин Едрыс-ипа из с. Бычка (Ахчипсы) в 1990 году Алине Ачба:

«Нахарбей и Асланбей (Шаратхуа-ипа) были братья. Они проживали выше Хендека (Куджаа ркыта). Они выстроили большой дом, куда прибывали абхазы верхом из Ески-Шеира, Адапазара, Дюзджи, Измида для обучения этикету – Апсуара. Чтобы пройти обучение Апсуара, к Шаратхуаа (Куджба) прибывали абхазы, это было во времена султана, лет сто тому назад. Шесть месяцев они изучали абхазские обычаи, этикет. Сюда входило наездничество – умение садиться и держаться правильно верхом, спешиваться, младшим – уметь держать правильно стремя и плетть. Обслуживание старших молодыми во время застолья, еды. Умение достойно вести себя, приветствовать и весь поведенческий этикет. После завершения обучения с пожеланием: «Всего вам хорошего, вы уже обучились» их (молодежь) отпускали домой».

По окончании учебы устраивали экзамены, задавали вопросы, на которые нужно было правильно отвечать и показывать, как надо вести себя, и только после этого отпускали. Если курс не был освоен, то оставляли еще на месяц. Наше Апсуара – это непростой и сложный этикет».

Далее он продолжал:

«При дворе султана Азиза, у него супруга была из рода Маан, было много абхазов. И именно они обучили османский двор умению вести себя с достоинством, соблюдая уважение к окружающим. Мы, абхазы, облагородили турецкую знать при дворце султана, сделали их людьми, научили их вести себя достойно», – так рассказывал пожилой Батыр-ипа Шамсеттин из Турции.

«Кавказская цивилизация, – отмечает Р. Абдулатипов, – стала частью этикетно-эстетических норм поведения высших классов за пределами Кавказа, например, в Турции, Золотой Орде, Египте, Сирии и частично России».

По сообщению польского историка Б. Барановского, «король Ян Собеский обычно одевался в кавказскую одежду». Через специальных посланников он узнавал, какая мода на Кавказе. Седла и конная упряжь изготовлялась в Польше по «черкесской моде».

И это рыцарское поведение, неукротимый дух, который несли в себе сыны Кавказа, привел ряд ученых к тому мнению, что арийцы, в том числе и предки германцев, после великой катастрофы пришли с Тибета на Кавказ. Но

часть осталась на Тибете, в Шамбале. «Остальные переселились на Кавказ. Затем арийцы продвинулись в Северную Европу, а на Кавказе остался Асгард – древний очаг арийского духа, где сохранилась чистая арийская кровь, там арийский корень. Это священная земля всех арийцев, говорящих теперь на разных языках. В Асгарде, на Кавказе, сосредоточилось все позитивное, что таит в себе арийская кровь».

Видно не случайно абхазская легенда гласит: «Все апостолы скончались и погребены в Апсны. Перед тем как уйти в мир иной, они на больших каменных плитах начертали письма и оставили эти надписи на священных местах – аныхах. Что там находится ни-

оргий ничего не заметил. Утром гость предлагает Георгию: «Пойдем на охоту!». Георгий согласился и предложил вначале перекусить. Угощает гость, но Георгий сам не может есть, нет аппетита. Гость говорит: «Пойдем на охоту, вернемся, у тебя явится аппетит, тогда поешь». Пошли по направлению к

кому из нас смертных, не суждено прочесть».

Ниже мы приведем другую легенду о происхождении священных мест в Абхазии:

«Был когда-то один молодой охотник, отличный стрелок по имени Георгий. Раз пошел он на охоту. Встречает другого охотника. Сели отдохнуть, Георгий достал имевшиеся у него акуакуары с медом и угощает. Окончив еду, поднялись, и встречный охотник говорит Георгию: «Или я пойду к тебе, или ты иди ко мне». «Пойди в гости ко мне», – ответил Георгий. Пошли. Георгий пригласил соседей на пир, устроенный им в честь гостя. Ночью гость встал, подошел тихонько к Георгию, вырезал у него, кроме сердца, печени, легких, все остальные внутренности и аккуратно зашил. Ге-

моря. Гость говорит: «Пойдем по берегу, побьем вредных зверей». Гость обернулся к берегу и пошел по воде. Георгий поразился. Гость обернулся и позвал Георгия. Георгий тоже пошел по воде. Убили много вредных зверей и снова вышли на берег. Гость говорит Георгию: «Ты честный, правдивый человек. Бог наделяет тебя способностью различать правду и неправду среди людей!». Сказав это, он полетел на небо. Георгий еще долго жил, был праведником, после его смерти люди разделили его кости, каждый взял часть. И где имеется кость Георгия, там аныха – священное место. Так появились Лашкиндар и все другие святыни. Кто говорит неправду, поступает несправедливо, то на него насылаются «части Георгия», т. е. аныхи». (Записал со

слов Сулеймана Аршба Г. Чурсин в с. Ткуарчал в 1928 г.).

У абхазов сохранилось немало легенд о приходе христианства на их землю. Одна из них гласит:

«Вскоре после Исы (Иисуса Христа) прибыли в Абхазию два мужа: один был росту высокого, а другой малого. Они начали учить и вводить веру в Христа. Узнавши их ум и добродетель, абхазский народ полюбил их. Они жили в Абхазии около 3-х лет, заслужили любовь и доверие жителей, которые во всяких делах прибегали к ним за советами. Они были справедливые судьи во всяких спорных гражданских делах жителей, которые повинуюсь им, признавали свято их решения. Затем высокий ушел куда-то далее, а малый был здоровьем слабее, остался в Абхазии и по недолгом времени умер и погребен на вышеупомянутом месте (храм св. апостола Симона Канонита – авт.). Абхазы глубоко почитают Симоно-Канонитскую церковь, многие берут из входа в подземелье землю, вешают на грудь и получают исцеления от разных болезней.

В этих лицах узнают – в высоком Андрея Первозванного, а в малом – Симона Канонита (по абх. Зусхан Тата – авт.).»

О сооружении храма Елыр-ныха рассказывает легенда следующее:

«Некий местный князь в лесу во время охоты ранил оленя. Убегая, животное скрылось в зарослях. Охотник преследовал его, следы крови привели его к развалинам древнего святилища (аныха). Князь увидел раненого оленя, положившего голову на престол с высеченным крестом на алтаре, и понял, что животное находится под покровительством святого Георгия. Князь оставил жертву и приказал воздвигнуть на этом храм в честь св. Георгия».

В Илорском храме долгое время хранились два кинжала. Вот что повествует о них старинное абхазское предание:

«В местечке Очамчыры из-за моря пришли татары (турки-османы – авт.) с намерением завоевать эту землю и обратить ее жителей в магометанство, и после долгой битвы большинство из них пало на поле брани, и

лишь немногие отступили. Они перешли реку Галидзга и, приблизившись к Илору, встретили неизвестного странника-юношу. Упрекнув их, что они бросили святыню на разорение татарам, юноша предложил им вернуться вместе с ним на бой. Абхазцы за неимением ружей вооружились луками, а странник имел в руках лишь один кнут. Однако от его удара враги падали неудержимо, разрубленные на две части. Татары бежали, оставив все вещи и провизию абхазцам. В ограде Илорской церкви во время дежбы добычи страннику было предложено выбрать все, что ему угодно, как виновнику победы. Странник от всего отказался, взяв только два маленьких кинжала, с которыми и отправился в путь. На другой день священник кинжалы нашел в церкви по обеим сторонам иконы св. Георгия. Тогда поняли, кто был их вождь и спаситель от нашествия татар».

По-видимому об этом событии повествует Вахушт (1733 г.):

«Абхазы захватили имущество имеров. Однако потом между ними и османами тоже возникла смута, ушли абхазы от них и начали убивать и нападать на османов ночью. Увидел это паша и возвратился в Одиши. Тогда напали абхазы, уничтожили лагерь османов и обратили их в бегство, ибо паша бежал морем, а остальных убили, и погибли [османы] в море и реке, взяли их добычу премногую, отказались от мусульманства и вернулись абхазы к своей вере. А в этой победе рассказывают о чуде св. Георгия Илорского, ибо в ту ночь направил их в поход и укреплял их в бою».

В течение всего периода существования кавказскому этносу, в том числе и абхазам, постоянно приходилось защищать честь и свободу родной земли, в боях гибли лучшие. И, наверное, поэтому, истых, не испорченных цивилизацией и чуждой кровью людей, независимо от национальности, романтиков и вечных искателей истины и неустанных поборников за честь и справедливость век от веку становилось меньше. Но именно они неустанно сражаются и делают все возмож-

ное, чтобы помочь человечеству «очнуться от того безумства», к которому его толкает рабство и беспорядочность, т. е. то, что мы ныне называем цивилизацией и демократией.

Человек благородных кровей неспособен на низость, ростовщичество, обман и другие низменные черты, присущие рабам, т. е. той части человечества, которая тяжело больна, ибо она отравлена ядом и внешне обманчивым лоском техногенной цивилизации, стирающей все грани дозволенного и недозволенного. «Человеческая кровь является коррелирующей системой, которая в нормальном отношении отторгает все чужеродное, искажающее ее информационное восприятие, – подмечает Д. Баксан. – Кровь никогда «не сдастся без боя», когда её искажают, ибо Всевышний дал каждому своему творению силу и волю для самозащиты. Над каждым народом витает то, что Л. Н. Гумилев назвал «этническим полем», арийцы – «голосом крови», Юнг К. – «коллективным бессознательным», а мы назовем «аурой запаха крови». Это все одно и то же». «Смешивание крови – это та отмычка, с помощью которой сатана проникает в душу человека и портит наш универсальный «приемник», улавливающий свет, идущий от Всевышнего, – отмечает он же. «Кровь это некая биологическая матрица, которая несет в себе отпечаток всей суммы человеческих качеств, всю внешнюю и внутреннюю информацию, память и интеллект человека», – очень четко и точно подмечает Д. Баксан. И вполне закономерно, что в абхазской философии как незыблемая аксиома звучит следующий постулат: «Ашьа цэажэоит» – «Кровь говорит». Человек, у которого испорчена кровь, или, как точно подмечали наши предки, «зшьа хэацсоу» – «тот, у кого в крови плева» становится, даже без всяких психотропных средств «зомбированным маргиналом», и кроме вреда и бесчестия от него ждать нечего.

Абхазы считают, что человек мыслит сердцем. Поэтому поводу профессор Грен отмечал: «Змея считается мудрейшей из животных. Ее представитель живет в

сердце дочери царя. Часто душа человека превращается в змею и в таком виде совершает во время сна странствования. Так в одной из абхазских сказок рассказывается, как один абхазец увидел вдруг, что изо рта спящего отца выползла змея и поползла по земле. Он пошел за нею и увидел, как она чуть не утонула в реке, упав в нее, но затем выползла и стала рыться в земле. Затем она вновь вползла в рот отца, который, проснувшись, сказал, что видел во сне, будто он чуть не утонул в реке. Потом они оба стали

наций и хороших человеческих рас, пришедших в этот мир, являются французы. Когда-то во Франции был государь по имени Наполеон Бонопарт. Чтобы испытать своих подданных, он приказал привести на место казни человека, дабы тот казнил совершившего преступление. Он собрал всех людей, сколько их там было, и объявил собравшимся: «Кто бы ни был тот, кто потянет веревку и повесит приговоренного к смерти, тот получит от меня пятьсот золотых монет». Несмотря на эти слова, никто не вышел.

Приговоренного к повешению он простил и даровал ему свободу».

Вот почему в старину преступившего нормы нравственной морали навсегда изгоняли из Абхазии и при этом лишали его права носить свою фамилию – «Ижэла ихырхон». Иногда их отдавали в рабство, т. е. считалось, что он попал в ту среду, в то состояние, которого он достоин. Словом, как говорится: «Богу – божье, кесарю – кесарево».

рыть землю в том месте, где рылась змея и нашли в яме кубышку с золотом. Следует заметить, что абхазцы думают, будто человек мыслит не мозгом, а сердцем, в котором и живет мудрая змея. Тоже самое воззрение существовало в Египте, где также думали, что мозг не имеет отношения к человеческой мысли, и поэтому египетские мумификаторы не вынимали мозга из трупа умершего.

Очень характерно в этом плане убыхское предание о Наполеоне: «Одной из цивилизованных

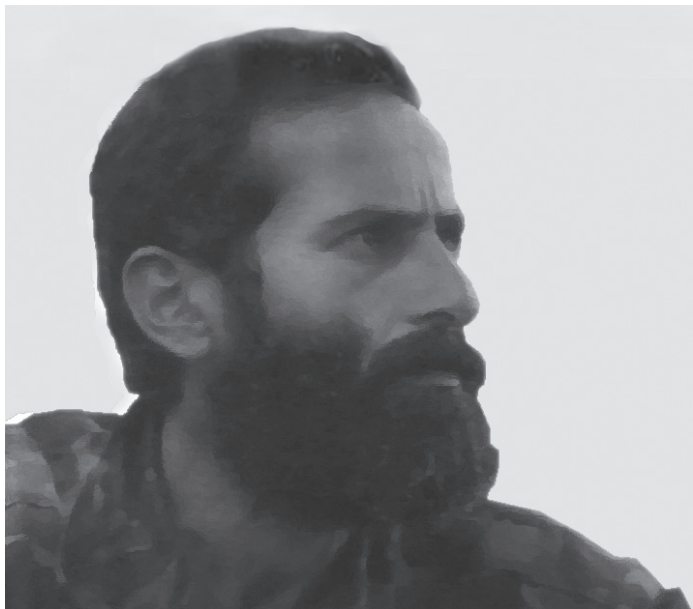
Немного спустя он снова объявил: «Я дам тысячу золотых монет. Разве никого нет, кто бы его повесил». После этого из толпы вышел человек. «Я повешу его», – сказал он. Тогда Наполеон позвал этого человека и спросил его: «Ты француз родом?». Этот человек ответил: «Мой отец также француз, но дед мой прибыл во Францию из турецкой страны». Тогда Наполеон сказал: «Раз так, все очень хорошо, эта тысяча золотых монет твоя, но до завтрашнего вечера ты покинешь французскую землю и возвратишься туда, откуда приехал твой дед».

Ниже мы хотим остановиться и немного рассказать об «истом рыцаре», общественном деятеле и поэте, сыне последнего владельца Абхазии Ахмытбея – Георгии Чачба. Он был законодателем мод и этикета в аристократических кругах Грузии (ему с 1866 г. по 1905 г. было запрещено жить в Абхазии). Прежде всего обратимся к его краткой биографии, опубликованной на оборотном листе его «Предсмертного завещания к Абхазскому народу»:

«Георгий Михайлович Чачба – сын последнего владельца Абхазии скончался 19 февраля

1918 года, в тот день, когда происходила терроризирующая жителей бомбардировка Сухума, и когда население в паническом страхе бежало из города. Возле умирающего старца под страхом расстрела осталась единственная племянница.

бывшего самодержавного двора Романовых.

В то время, как наследников других владетелей за преданность престолу, покорность и принижение перед царским правительством награждали и именами, и чинами, и орденами, Георгия Ми-

хайловича, как неблагонадежного, революционера, всегда держали в опале, лишили его наследственного имущества, которое частями раздавали тем чиновникам, которые преследовали его и абхазский народ.

Когда разнужданность и грубый про-

Когда Александр III приехал в Кутаис, Георгия вместе с другими революционерами, опасными для пребывания царя в городе, выслали из пределов губернии.

Георгий Михайлович имел тогда звание флигель-адъютанта и он написал письмо, в котором заявил, что «раз царское правительство настолько мне не доверяет, то в том городе, когда прибывает император, мое присутствие считается опасным, я не нахожу нужным носить флигель-адъютантское звание».

Вообще Георгий Михайлович высоко держал знамя не только своего достоинства, но и чести своего народа. К сожалению, и судьба и народ, и при жизни, и при смерти жестоко и бессердечно относились к этому последнему могикану из ушедших со сцены нашей жизни рыцарей.

Накануне смерти Георгий Михайлович писал обращение к Абхазскому народу, в котором умо-

Похороны этого очень заметного не только в Абхазии, но и во всей Грузии выдающегося по своим недюжинным способностям, рыцарским свойствам и неподдельной, искренней, бескорыстной любви к родине остались незамеченными населением Сухума.

Во время бомбардировки и страстной пальбы между красногвардейцами и взбунтовавшейся ротой большевиков, тело покойного было вывезено близкими в Мокву и там при большом стечении абхазцев предано земле в фамильном склепе. (При его похоронах был произведен прощальный выстрел, это означало, что ушел из жизни достойный сын своей Родины – авт.).

Очень интересна биография этого мученика русского режима, но к сожалению никто не может дать полных сведений о его жизни.

Георгий Михайлович по своей выдающейся способности и природным дарам мог сделать блестящую карьеру, если бы захотел приноровиться к придворным порядкам и требованиям. Но он, как рыцарь, всегда с негодованием и презрением отвергал все те компромиссы, ценою которых доставались почести и привилегии от

извол русских чиновников, управлявших в первое время по присоединении Абхазии, дошли до крайних пределов, и абхазцы восстали против невыносимой системы управления, Георгий Михайлович резко и явно осуждал политику правительства, советовал переменить тактику, относиться с уважением к традициям народа. Но не только не послушались его, но когда представителя русской власти, оскорбляющего абхазцев, применявшего наказание – Коньяра убили, Георгия Михайловича, как интел-

лектуального участника мятежа, сослали в Оренбург, потом, по расследовании, его признали невиновным и вернули из ссылки, но до 1905 г. не разрешали ему постоянно проживать в Абхазии.

лял его не увлекаться несбыточными обещаниями, не выпускать из рук той свободы, которая досталась им ценой больших жертв и неисчислимого потока крови ради прежних поколений».

Георгий Чачба неоднократно публично и в прессе выступал в защиту прав абхазского народа. Приведем отрывок из его «Открытого письма» агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову:

«Вы, вероятно, судите об Абхазском народе и его историческом прошлом, по примеру российской барщины и бывших ее батраков, которые не только заставляли таскать на спине кирпичи, но даже за малое слушание секли. В Абхазии уклад народной жизни был совершенно иной. Все жили в довольстве, и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьяне жили дружно, при взаимном уважении, ибо в Абхазии не существовало крепостной зависимости.

Когда русское правительство, после аннексии Абхазии (в своем неведении), вздумало освободить крестьян на основании реформ 1861 года, то произошло крестьянское восстание, имевшее характер оскорбленного самолюбия – «отчего нам, мол, освобождаться, когда мы совершенно свободный народ».

Владетельный князь никаких довлеющих прав не имел, а был избранником нации на обычном праве, и если народ не пожелал его иметь во главе, то могли его сместить, ибо у князя не было никаких защитительных учреждений – ни полиции, ни жандармов и ничего подобного. Его любили и почитали в народе, оттого он и оставался в своем почетном положении до того времени, покуда его не сослало русское правительство и не назначило вместо него чиновников, которые с тех пор грабили народ законными и незаконными путями, доведшими эту прекрасную нацию до состояния рабской запуганности и нищеты.

Как вы полагаете, г. Ефимов, кого надо хоронить под развалинами, тех ли, которые строили не только дома, а народную жизнь наладили спокойную и благородную, или тех, которые разрушали благосостояние населения и вели за прекословие».

К Георгию Михайловичу крайне негативно относились грузинские меньшевики, хотя, как мы увидим ниже, он являлся одним

из законодателей мод среди грузинской аристократки. Как вспоминает А. М. Чочуа в 1917 году «во время доклада Тавдгеридзе на объединенном заседании Сухумской городской думы и городской управы произошел любопытный инцидент. Когда в зал заседания вошел князь Георгий Чачба – сын последнего абхазского владельца, видный поэт и общественный деятель, лишенный в свое время царским правительством больших поместий за прогрессивные взгляды, то со всех сторон раздались возгласы недовольства и оглушительный свист. Нетрудно было догадаться, что, осмивая Г. Чачба, участники заседания – в подавляющем большинстве меньшевики-шовинисты – очень ясно выражали свое враждебное отношение к абхазскому народу». Это несмотря на то, что образ Таризла из поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» художником Зичи был срисован с Георгия Чачба, ибо он, как никто другой, подобрал в себя все черты рыцаря, которые соответствовали образу героя. Весь высший цвет тифлисского общества учился у него рыцарской доблести, изысканным манерам, умению держаться, пластике и элегантности. Вот как описывает журналист Гиви Голенди встречу с ним:

«Сухумская набережная... Посередине мостовой едет всадник, за ним следует его телохранитель. Видно, что скачущий впереди всадник искуснейший наездник, он словно влит в седло и поражает своей энергией. Конь чувствует седока и во всем повинуется ему, но наездник несколько не стесняет скакуна. Как он свободно держит узду!.. Видно, что этот человек унаследовал от предков воинственный дух и отвагу. Я вспоминал слова Арчила Джорджадзе: «Для того, чтобы грузину стать беллетристом, ему надо хотя бы немного поговорить об абхазском всаднике».

Вот он соскочил с коня, и мы познакомились. Это Георгий Чачба – сын последнего владельца Абхазии. Как ему идет прекрасно сидящая на нем черкеска. Видно, что ему за шестьдесят, но от этого стройного, высокого, изящного мужчины веет юношеством. Во

всей Грузии я не встречал человека, который бы умел одеваться с таким изяществом и тонким вкусом. В красиво повязанном шарфе чувствовался английский стиль, кавказский стиль одежды исключительно сочетался с его величественным обликом. Какая величавость и княжеское благородство проявлялись в нем...».

Известный писатель и режиссер Н. Н. Евреинов, говоря о другом Чачба – Александре Чачба, известном художнике (1867-1968) отмечает:

«Князь Александр Константинович Чачба – потомок Абхазских царей, воплощение рыцарского восточного благородства, которое в наше время – почти сказочная редкость (страшно подумать, как такому человеку дышалось в пыли эгоистичных Мейерхольдов и Теляковских на нашей большой императорской сцене).

О рыцарской щепетильности А. К. существует много рассказов, интересных и поучительных, причем некоторые из них носят печать невероятности, близкой к анекдотической. Передам, например, случай, коего я судьбою был поставлен свидетелем. А. К. уезжал на фронт в качестве уполномоченного Красного Креста. По этому случаю наша общая знакомая, симпатичная, милая Л., у которой А. К. снимал временно комнату, захотела устроить прощальный обед. Сказано – сделано, были разосланы приглашения, достали вино, слуги сбились с ног, словом ожидалась «помпа»... Съехались... «А где же князь?» – опрашиваю я. Хозяйка мнетя. Садимся, наконец, обедать. А. К. все нет. После обеда отвожу в сторону Н. И. Бутковскую, подружку по институту симпатичной Л., и расспрашиваю: «Что сей сон значит?» – «А, видите ли, – отвечает мне Наталия Ильинична, – князь за полчаса до обеда, узнав, что приглашен в числе гостей также и этот С. – «делец», хотя и не «нечестивый», но не слишком брезгливый в аферах, где можно «нагреть руки» – наотрез отказался отобедать с ним за «одним столом»...

Так мы и не увидели А. К. за обедом, устроенном в его честь!».